

DOI 10.23859/1994-0637-2017-3-78-14

УДК 37.014.15

© Астахова А.В., 2017

Астахова Анна Владимировна

Аспирант, Академия психологии
и педагогики, Южный Федеральный
университет

(Ростов-на-Дону, Россия)

E-mail: anuta23.10@mail.ru

Astakhova Anna Vladimirovna

Post graduate student, Academy
of Psychology and Educational Sciences,
Southern Federal University

(Rostov-on-Don, Russia)

E-mail: anuta23.10@mail.ru

КСЕНОФОБИЯ В ОБЩЕСТВЕННО- ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX – НАЧАЛА XX ВВ. (ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД)

XENOPHOBIA IN SOCIO- PEDAGOGICAL THOUGHT OF THE RUSSIAN EMPIRE XIX – EARLY XX CENTURIES (PRE-SOVIET PERIOD)

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования ксенофобии в системе образования Российской Империи. Исследование проводилось в историко-педагогическом контексте. Основными источниками исследования являлись научные труды и архивные документы XIX – начала XX вв., содержащие официальную позицию и взгляды на систему просвещения нерусских народов. Особое внимание в статье уделено проблеме инородческого образования. Обнаруженные в различных источниках некоторые высказывания и определения позволяют утверждать о существовании ксенофобии, характерной для данного исторического периода в научно-педагогической мысли и общественном сознании.

Abstract. The article considers xenophobia evolved in the Russian Empire education system. The issue is dealt with in terms of history of education. To identify the government's stance on educational services for non-Russian peoples the scholarly works and archive documents were studied as the sources for the research. The focus is on the problem of education for non-Slavs. Certain definitions and statements, obtained through the study of various sources, reveal the fact that xenophobia was a characteristic phenomenon for the scientific and academic thought and public opinion of the given historic period.

Ключевые слова: ксенофобия, галлофобия, антисемитизм, система инородческого образования, педагогический национализм, ислам

Keywords: xenophobia, gallophobia, anti-Semitism, the system of aboriginal education, pedagogical nationalism, Islam

Введение

В настоящее время появляется большое количество педагогических исследований, направленных на преодоление тех или иных форм и видов ксенофобии, однако корни этой проблемы с педагогической точки зрения не рассматриваются.

Ведущую роль в формировании ксенофобии в общественно-педагогической мысли XIX – начала XX вв. мы видим в политической обстановке и защите основ российской государственности. Необходимо отметить, что основным индикатором ксенофобии в образовательной политике Имперской России являлась конфессиональная принадлежность. Через религию ненависть к отдельным народам перекладыва-

лась на их систему образования, указывалось отрицательное влияние на отечественное образование.

Нами были подробно рассмотрены следующие виды ксенофобии:

1) ксенофобия и ее определенные черты в научно-педагогических и академических взглядах, в данном случае мы можем говорить о ксенофобии как интеллектуальном феномене;

2) ксенофобия в общественном сознании во взаимосвязи с этническими интересами государства, установками религиозных деятелей, художественной культурой, бытовым сознанием.

Основная часть

На протяжении XIX века и, в особенности на рубеже веков, обострился интерес к русской национальной школе. К поиску русской национальной идеи в противовес западного влияния обращались деятели просвещения различных направлений: государственники, педагоги, писатели, историки, представители духовенства, интеллигенции и академической среды. Война с Францией планомерно перетекала в галлофобию, западная система образования в данный период оценивалась крайне негативно со стороны государственных и церковных деятелей (С.А. Шишков [12], Фотий Спасский [1]).

На формирование русского национального мировоззрения, в том числе антисемитизма, оказали взгляды Г.Р. Державина, содержащиеся в записке «Мнение сенатора Державина об отвращении в Белоруссии недостатка хлебного обущанием корыстных промыслов евреев, о их преобразовании и прочем», составленной им после поездки в Белоруссию в 1800 г. В записке Державин давал резко отрицательную оценку системе религиозного еврейского образования, воспитывающего негативное отношение к христианству, внутренней общинной организации еврейской общины [6].

В работах отечественных педагогов рассматривались в основном проблемы русского образования, и если слово «русский» не указывалось, то оно заменялось словом «национальный», русская школа понималась как школа национальная. Педагогам, отстаивающим идею русской народности в образовании (К.Д. Ушинский, В.Я. Стоюнин, К.Н. Ярош, Н. Дмитриева и др.), в той или иной степени был свойственен *педагогический национализм*. Применительно к науке и практике заслуга наиболее основательной разработки идеи народности воспитания принадлежит К.Д. Ушинскому. П.Ф. Каптерев указывал на недостаточность теории К.Д. Ушинского о народности в воспитании, заключающейся в ее слишком узком национальном характере. У Ушинского наука должна быть подчинена народности, а народность – христианству. При этом в статье «О нравственном элементе в русском воспитании» К.Д. Ушинский говорит о том, что именно православная христианская религия является основой народного воспитания и образования. Православие Ушинский ставит выше других христианских учений. Истинное христианство есть единственно православие, оно только сохраняет нерушимо общие основные истины христианства, прочие же вероисповедания не дают истинно христианских основ воспитания. Там, где царят католицизм и протестантизм, господствует в воспитании народность с примесью искаженного христианства, там и школы приходится признать не совсем хорошими и правильными.

Также православную веру считал основой русской народной души Н. Дмитриев [8]. П.П. Блонский указывает на основной недостаток взглядов Н. Дмитриева: он объявляет тот народ, к которому принадлежит он сам, носителем самого Бога, богоносцем. Больше того, он заявляет, что это сознание – главный источник его любви к народу. Блонский возражает Дмитриеву: «Ну, а если бы народ был не богоносцем, а

«черненьким», как бы тогда г. Дмитриев его любил? А как быть англичанам и французам с их любовью к их народу?» [3]

Школа призвана воспитать национальное самолюбие, чувство национального достоинства в ребенке. При этом в учебной литературе по истории, литературе, географии и проч. Н. Дмитриев предлагает всему отрицательному в русском национальном характере найти оправдание, а все положительное осветить и выдвинуть.

Русский человек, согласно Ушинскому, должен быть непременно православным. Анализируя этот тезис, П.Ф. Каптерев ставит правомерные вопросы: «Но как же нам думать о русских сектантах и раскольниках, которые и истинно русские и истинно и глубоко религиозные люди? Государство очень часто заключает не один народ, а несколько различных, с преобладанием лишь одного. В каком отношении школы подчиненных или зависимых народностей должны стоять к школам с преобладающей? Они равноправны или неравноправны?» [10].

Национальное направление в русской школе не заключало в себе открытой неприязни или ненависти к другим (нерусским) народам; образования нерусских народов также не являлось предметом рассмотрения указанных выше педагогов. Однако следует отметить несколько важных тенденций: признание богоизбранности русского народа, провозглашение православной христианской религии выше остальных, что приводит к выводу о том, что образование и воспитание в духе русской народности и православия является единственным правильным. Эти идеи возникли в ответ на европеизацию системы российского образования, на систему классического образования, необходимость воспитания национальных качеств и т.д.; они не могут быть применимы в контексте современной системы образования, приоритет русской национальной школы может привести к опасным трансформациям в обществе, эта опасность и определила необходимость рассмотрения данной проблемы.

Теория национального образования К.Д. Ушинского смогла стать исходным пунктом и оправданием различных политических и педагогических направлений: на нее ссылались как близкие к славянофильству и почвенничеству круги национально-консервативной педагогики, так и демократически-радикальные защитники «инородческой» школы.

Беду «обрусительной» педагогики С.И. Гесен видел не в том, что она была национальной, а в том, что, прививая эту национальность, умышлено и извне, чисто механическим способом, ради национальности, жертвовала требованиями нравственно-правового, научного и художественного образования. «Но в ту же ошибку склонен впадать национализм угнетенных наций, – отмечает Гесен. Стремление допустить общерусский язык в школах лишь, в крайнем случае, в качестве иностранного, провести преподавание на наречии во всех школах, в том числе и высших, хотя бы для этого, за отсутствием учителей и учебной литературы, пришлось до крайности понизить уровень преподавания, ограничить преподавание истории историей одной ветви русского народа, вопреки историческому факту единства русской истории, как это хотели сделать некоторые крайние представители украинского и белорусского национализма, – это значит опять ввести тенденцию в педагогику, пожертвовать ради миража своей национальности реальными требованиями нравственного образования и научной объективности» [5, с. 355–356].

Проблема инородческого образования и воспитания являлась предметом пристального внимания со стороны государства, науки и общества. Термин «*инородческая школа*» применялся до конца XIX века и реализовывался в понимании начальная школа для нерусских народов. Семантика термина «*инородцы*» в широком значении определяла всех подданных Российской империи неславянского племени.

В сочинении идеолога русского национализма П.И. Ковалевского «Русский национализм и национальное воспитание в России» отражена идея о национальном

неравенстве наций в зависимости от их культурного состояния. К первой группе относятся нации, которые в культурном и политическом отношении стоят довольно высоко и своими отношениями к России заслужили благожелательство: поляки, армяне, грузины, финляндцы и проч. Эти народы заслужили свое право на образование в соответствии с их народной культурой. Ко второй группе относятся нации, которые стоят на уровне первобытных народов. Это мелкие инородцы и не имеющие ни своей литературы, ни своей письменности, ни азбуки, ни культуры, они не имеют права на отдельное существование и свою систему образования, они должны слиться с русской национальностью [11].

В середине XIX века начинается формирование начального и педагогического инородческого образования, а также новый этап миссионерской деятельности среди инородцев под руководством выдающегося востоковеда, педагога-миссионера Н.И. Ильминского. В этот период развернулась конфронтация между прогрессивными казанскими реформаторами и их противниками. Проанализировав взгляды последних, можно проследить существование ксенофобских установок в общественном и научном сознании по отношению к образованию нерусских народов.

Ксенофобия и агрессивный национализм содержится в цитате профессора Петербургского университета В.В. Григорьева: «можно истребить магометан, изгнать их из империи, но переделать радикально их невозможно. А за то, что невозможно, не следует и браться. Правительство не все то может, чего бы хотело или могло хотеть». Далее профессор предложил ряд средств, способствующих, по его мнению, сближению магометан с Россией: первое средство обрусения инородцев – религия. Второе состоит в усвоении ими понятия о нравственном превосходстве русской народности» [13].

Основной причиной низкой эффективности деятельности ранее создаваемых государством школ для «инородцев» признавалась *природная неспособность их к обучению, прирожденная тупость*. Такой расистской позиции придерживались Министерство народного просвещения, руководители школ и учителя [14].

Целью просветительского миссионерского движения русской православной Церкви (РПЦ) являлось обращение в православие «иноверцов», при этом нередко являлось мнение о том, что языки малых народностей неполноценны, так как неспособны вместить христианское откровение [7].

Следует сделать необходимое отступление и остановиться на историческом знании, которое оказывало огромное влияние на формирование взглядов о мусульманском мире. Все, что подводилось под термин «Ислам», бесповоротно переходило в категорию «Аномалия», образ мусульманства был связан с самыми различными враждебными Руси восточными племенами и конгломерациями, прежде всего, татаро-монголами.

Начиная от представителей славянофильской доктрины, помимо придавания первостепенного положения христианства, наметилась тенденция, имеющая националистический характер, которая подчеркивала превосходство русского, кровно русского национального над всем остальным. Такой тенденции в академической среде придерживались автор широко распространенных учебников по всеобщей и русской истории для средних школ Д. Иловайский, а также профессор Дерптского университета Э. Тобин [2].

Просветительская система Н.И. Ильминского противоречила всем прежним порядкам академического руководства и интересам духовных лиц:

– «неправославные религии не требуют никакого подробного изучения, а только скорого опровержения» (ректор Казанской духовной академии, архимандрит Иоанн Соколов) [14];

- «необходимо слияние инородцев с господствующей в России народностью путем вытравливания их национальных особенностей (прежде всего посредством забвения национального языка и культуры)» (Священник Зефирова) [4];
- развитие культуры и письменности крещеных татар является источником появления у них интеллигенции, созданию национальной культуры, что, в конечном счете, приведет к росту национального самосознания и «сепаратизма» (председатель Буинского училищного совета, священник А.И. Баратынский) [9, с. 135].

Выводы

О каком-либо равноправии в образовании по национальному или религиозному признаку народов, населяющих Россию в XIX – начала XX вв., не представляется возможным говорить в современном смысле данного понятия. Дискриминация в области образования была обусловлена интересами русского народа, защитой православной религии и основ российской государственности.

Проведенный историко-педагогический анализ показал, что в основном ксенофобия в образовании распространялась через создание негативных образов западной культуры, еврейства, мусульманского мира. Ксенофобские стереотипные установки и взгляды были свойственны представителям культуры, науки и государства, но в большей степени консервативно настроенному православному духовенству. Иногородцы в России воспринимались чаще всего как имеющие более низкий статус, чужая культура негативно оценивалась и несла угрозу.

В системе инородческого образования ксенофобия распространялась в форме:

- страхов и опасений по поводу распространения исламской религии через систему обучения инородческого населения;
- расистских эссенциалистских стереотипов мышления, подразумевающих поиск природных (биологических) оснований для дискриминации инородческих групп;
- отказа в признании национальной идентичности инородцев, осознание опасности обучения на родном языке, развития письменности и культуры, которые могут привести к росту национального самосознания этнических групп.

Литература

1. Автобиография Юрьевского архимандрита Фотия. Кн. 3 // Русская старина. 1896. Июль. Т. 87. С. 186–187.
2. Батунский М.А. Россия и ислам. М., 2003. Т. 2. С. 142–152.
3. Блонский П.П. О национальном воспитании. М.: Типо-литография Т-ва И.Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о, 1915.
4. Выписка из Журнала Ученого Комитета МНП от 27.02.1896 г. // Сборник документов и статей по вопросу образования инородцев. СПб., 1896. С. 314.
5. Гесен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М.: Школа-Пресс, 1995. 448 с.
6. Державин Г.Р. О нравственном образовании евреев и просвещении // Мнение об отращении в Белоруссии голода и устройстве быта евреев. 1800. Т. 7.
7. Зеленин Д.К. Н.И. Ильминский и просвещение инородцев // Русская школа. СПб., 1902.
8. Дмитриев Н. Национальная школа. СПб., 1913.
9. Исаков Р.Р. Просветительско-миссионерская концепция Н.И. Ильминского в образовательной системе пореформенной Казани // Образование и просвещение в губернской Казани. Сб. Статей. Казань: Институт истории АН Рт, 2009. Вып. 2. С. 135.
10. Каптерев П.Ф. История русской педагогики. Пг.: Земля, 1915. XXII. 746 с.
11. Ковалевский П.И. Русский национализм и национальное воспитание в России. СПб., 1912. 328 с.

12. Минаков А.Ю. Русская партия в первой четверти XIX века. М.: Институт русской цивилизации, 2013. 528 с.
13. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 92. Оп. 1. Д. 9223. Л. 26, 27 об.
14. Рождествен А.Н. И. Ильминский и его система инородческого образования в Казанском крае. Чебоксары, 2002. С. 20.
15. Электронная энциклопедия Академик. URL: [www. http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/46677](http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/46677).

References

1. Avtobiografiia Iur'evskogo arkhimandrita Fotiia. Kn. 3 [Autobiography of Yuryevsky Archimandrite Photius. Book. 3]. *Russkaia starina* [Russian antiquity], 1896. July. T. 87, pp. 186–187.
2. Batunskii M.A. Rossiia i Islam [Russia and Islam]. Moscow, 2003. T. 2, pp. 142–152.
3. Blonskii P.P. *O natsionalnom vospitanii* [About national education]. Moscow: Tipolithography T-VA I. N. KUSHNEREV and KO, 1915.
4. Vypiska iz zhurnala uchonogo komiteta MNP ot 27.02.1896 g. [Extract from the Journal of the Academic Committee of MNP from 27.02.1896 y.]. *Sbornik dokumentov i statei po voprosu obrazovaniya inorodtsev* [Collection of documents and articles on the issue of education of foreigners]. St-Petersberg, 1896, p. 314.
5. Gesen S.I. *Osnovy pedagogiki. Vvedenie v prikladnuiu filosofiiu* [Basics of pedagogy. Introduction to applied philosophy]. Moscow, 1995. 448 p.
6. Derzhavin G.R. O нравственном образовании евреев i просвещении [On the moral education of the Jews and the enlightenment]. *Mnenie ob otrazhenii v Belorussii goloda i ustroistve byta evreev* [Opinion about disgust in Belarus hunger and the everyday life of the Jews], 1800, T. 7.
7. Zelenin D.K. N.I. Il'minskii i prosveshchenie inorodtsev [N.I. Il'minsky and enlightenment of foreigners]. *Russkaia shkola* [Russian school]. St-Petersberg, 1902.
8. Dmitriev N. *Natsionalnaia shkola* [National school]. St-Petersberg, 1913, p. 16.
9. Iskhakov R.R. Prosветительско-миссионерская концепция N.I. Il'minskogo v образовательной системе пореформенной Казани [Educational-missionary concept N.I. Il'minskiy in the educational system the reform of Kazan]. *Obrazovanie i prosveshchenie v gubernskoi Kazani* [Education in provincial Kazan]. Coll. Articles. Kazan: Institute of history, Tatarstan Academy of Sciences, 2009, vol. 2, pp. 135.
10. Kapterev P.F. *Istoria russkoi pedagogii* [The history of Russian pedagogue]. Prague: Earth, 1915, XXII, 746 p.
11. Kovalevskii P.I. *Russkii natsionalizm i natsionalnoe vospitanie v Rossii* [Russian nationalism and national upbringing in Russia]. St-Petersberg, 1912. 328 p.
12. Minakov A.Iu. *Russkaia partiia v pervoi chetverti XIX veka* [Russian party in the first quarter of the XIX century]. Moscow: Institute of Russian civilization, 2013. 528 p.
13. *Natsionalnyi arhiv Respubliki Tatarstan* [National archive of Republic Tatarstan]. F. 92. Op. 1. D. 9223. P. 26, 27 об.
14. Rozhdesyvin A.N. *N.I. Il'minskii i ego sistema inorodcheskogo obrazovaniia v Kazanskom Krae* [N.I. Il'minskiy and his system of aboriginal education in the Kazan region]. Cheboksary, 2002, p. 20.
15. Elektronnaia entsiklopediia Akademik. Available at: [www. http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/46677](http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/46677).

Примечание: работа выполнена под руководством доктора педагогических наук, профессора О.Д. Федотовой.

Астахова А.В. Ксенофобия в общественно-педагогической мысли Российской Империи XIX – начала XX вв. (досоветский период) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. №3(78). С. 107–112.

For citation: Astakhova A.V. Xenophobia in socio-pedagogical thought of the Russian Empire XIX – early XX centuries (pre-soviet period). *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2017, no. 3 (78), pp. 107–112.